

Труд Петра Великого, конечно, не был напрасным, хотя российские западники позже стонали, что он остался незавершенным. Ставшая великой державой Россия интегрировала в империю и Прибалтику, которая ранее была захвачена Швецией, а также часть собственно Швеции, т. е. часть Финляндии. Тем самым Россия, по меньшей мере, наполовину стала европейской, что не могло не отразиться на ситуации по обе стороны восточной границы Швеции. Ведь за восточной границей был теперь Выборг, уже не говоря о многочисленных говорящих по-фински приходах, получавших своих пасторов из Абоского университета.

Финны называли себя нередко «добрыми людьми Швеции», в их отношении к государству не было места упреку. По ту сторону Ботники копили золото и честь, финны могли довольствоваться только крохами. Хотя Финляндия отнюдь не была колонией, а равноправной частью государства, в этом мире кто-то всегда менее равноценен. Так как торговля шла через Стокгольм и по ту сторону залива были более тучные земли и более оплачиваемые должности, Финляндия, особенно Восточная Финляндия, оставалась глушью, которая не очень-то бралась в расчет до начала XVIII века. Препятствием к настоящему равноправию Финляндии со Швецией являлся язык. С точки зрения жителей Швеции на побережье говорили на языке, с трудом поддающемся пониманию, а чем дальше на восток, тем более язык становился невыносимой тарабарщиной. Над говорившими по-шведски финнами насмехались из-за их языка, как вспоминал Спренгпортен, но говорившие по-фински были уже на краю цивилизованного мира. В XVII в. финнов хотели заставить стать шведами, но судьба Сконе их миновала, пожалуй, благодаря тому, что народ в XVIII в. уже не стоило раздражать, поскольку речь шла об его лояльности. В начале XVIII века в этом отношении стали уже заметны признаки беспокойства. Известным примером является, разумеется, деятельность Г.М. Спренгпортена. Российскую границу теперь можно было перейти.

Оставшиеся на несправедливой стороне границы

Озеро Киткярви в Куусамо знаменито своей мелкой ряпушкой, которая чувствует себя хорошо только у финских берегов, хотя ей было бы легко подплыть к стоку на российской стороне. За этот упорный патриотизм ряпушка получила прозвище «киткярвеский мудрец».

В ходе истории у ряпушки не было таких возможностей, как у людей, выбирать власть.

Российско-шведская граница 1721 г., т. е. примерно та же, что и нынешняя восточная граница Финляндии, рассекла населенную финнами территорию, но в некотором смысле это было уже давно сложившимся положением дел. Граница учитывала сферы интересов государств, а не границы этносов.

С точки зрения физической географии финляндско-российскую границу никогда нельзя было провести по так называемой естественной линии. В заросшей хвойными лесами северной территории было бы невозможно заметить границу без установленных человеком знаков. Хотя государственные границы значительно определяют состав населения, люди по обе стороны границы также относятся к тем же этническим группам. Так обстояло дело, особенно до XX столетия, в течение которого можно было наблюдать исключительно большие перемещения населения и миграционные течения, этнические чистки, полностью изменившие ситуацию.

По обе стороны границы в разные периоды истории давало о себе знать желание сделать эту границу «естественной». Уже шведский король Юхан III в XVI в. хотел иметь выход к морю, т. е. вплоть до Белого моря. В 1800-х гг. Александр I передвинул границу к другому морю, т. е. к Ботническому заливу. Когда рухнула Российская империя и большевиками был провозглашен принцип самоопределения народов, многие в Финляндии сочли, что это касается и их. Подразумевалось, что это затрагивало также проживавших по другую сторону границы восточных карел. Намечавшаяся в 1900-х гг. «Великая Финляндия» означала бы перенос границы к Белому морю, но политическая конъюнктура этого не позволила. Во всяком случае, Тартуский мир 1920 г. провел государственную границу России в очередной раз далеко восточнее относительно «естественного» Ботнического залива, снова туда же, где граница культур фактически существовала уже столетия, оставив восточных карел под «подолом» России.

Мысль о единстве финнов и (восточных) карел возникла где-то в середине позапрошлого столетия, став в начале 1900-х гг. новой значительной идеей, имевшей политические последствия. Ранее это единство вовсе не было аксиомой, если даже кто-то считал его действительно существующим.

Генетическое единство финнов и восточных карел в свое время считалось очевидным, хотя современные генетические исследования приводят нас к тому выводу, что даже в Финляндии нет общей

генетической финской нации, не говоря уже о том, что есть некое генетическое «угро-финское» единство. Очевидно, известное генетическое единство имеется, скорее, между восточными финнами и восточными карелами, чем между вообще финнами и восточными карелами.

В Финляндии почти не известно, что в России вообще считается, что великорусский народ образовался от слияния славянских и финских племен. Мы, таким образом, с русскими братья по крови. Древняя история России, описанная в хрониках Нестора («Летопись временных лет»), рассказывает, что когда на Русь были приглашены варяги, то их пригласили чудь, словены, кривичи и вепсы (весь). Иными словами, в образовании русского государства участвовали два финских племени, из которых одно было упомянуто первым и, возможно, было инициатором. Без преувеличения можно констатировать кровное родство финнов и русских, в частности, генетики наблюдают общие элементы, имеющие распространение на территории севера по все стороны границ Швеции, Финляндии и России. С другой стороны, различия между восточной и западной границами Финляндии, кажется, в генетическом отношении более существенны, чем различия с живущими за восточной границей соседними народами. Быть может, граница между востоком и западом проходит в тех краях, где проходила граница Ореховецкого мира, который разделил Финляндию на территории черствого и мягкого хлеба. На самом деле эта граница может восприниматься как пространственная граница мировых культур: на востоке говорят (говорили) о «(т)чаечке», когда речь шла о чае. Слово *cha* восходит к временам китайских мандаринов и пришло в Восточную Финляндию через Россию. На западе же говорили о *tee*, что восходит к обычному словоупотреблению китайского Кантона, и, разумеется, было привезено на английских парусниках или собственно финских судах в Европу, а оттуда в балтийские порты.

Но значение этой границы не стоит преувеличивать. Подлинная разделяющая людей граница в целом проходила там, где менялись сферы власти государств и где столетиями сохранялись вероисповедные различия и различия в подданстве. Финский профессор Матти Клинге сформулировал мысль о двух Финляндиях, из которых одна была морской и на западе ориентированной на Стокгольм Финляндией, вторая же — восточной Петербургской Финляндией. У этих двух Финляндий, по мнению Клинге, не было очень много общего до того, как железные дороги создали физическую связь, а народные школы — дух. Взгляд Клинге интересен

и во многих отношениях плодотворен, но если внимание сосредотачивается на этой границе и о существовании восточной границы Финляндии забывается, то определенно недооценивается та стена, которая отделяла Финляндию от Востока. По сравнению с ней разница между Восточной и Западной Финляндией или же между Финляндией и Швецией — ничтожна.

Однако если размышлять именно об объединяющих людей факторах и искусственности политических границ, то можно констатировать, что финны и проживавшие по другую сторону границы карелы и русские были (и остаются) объединены многими другими факторами, помимо природы и генетики. Природа, со своей стороны, диктовала те способы деятельности и формы культуры, которые находили применение по обе стороны границы. Способы ведения сельского хозяйства, жильё, побочные промыслы и даже культура еды на этих северных землях формировались схожим образом. Жители Финляндии, прежде всего, Восточной Финляндии и Северной России, не найдут ничего нового и удивительного, посещая этнографические и краеведческие музеи соседей.

В Восточной Карелии финнам, кроме того, покажется знакомым язык. В северной части Восточной Карелии говорят на так называемом настоящем карельском языке, который довольно близок к нормальному финскому и вполне понятен финнам. Южнее, на восточной стороне финской границы говорят на олонецком диалекте карельского языка, на так называемом ливском языке, который более далек от финского, но все же он явно настолько близкий родственный язык, что его можно считать наречием финского языка, как раньше и принято было делать. Проблема скорее в определении, чем в объективном характере различия.

Даже если учесть эти естественные объединяющие факторы, все же более заслуживает внимания то, насколько резка и высока, все-таки, граница между Финляндией и Россией на протяжении всей истории. Восточную границу Финляндии, которая за исключением чуть менее сотни лет была северо-западной границей России, с полным основанием можно считать именно границей Востока и Запада, она в действительности была таковой. Раскол христианской церкви на восточную и западную в 1054 г. постепенно перерос также в политическое противостояние государств, находящихся под их «подолом». Западная, т. е. католическая церковь относилась временами к восточной, т. е. к православной церкви как к врагу Креста, сравнимому с язычниками и мусульманами. Отношение восточной церкви к католицизму, а позже к протестантизму было схожим,

даже более жестким. Характерно, что национальный герой России святой Александр Невский приобрел свою славу благодаря тому, что спас Русь и ее православную веру, одержав победу именно над исповедующими католицизм врагами — как над немецкими рыцарями-меченосцами, так и над шведами; а не за победу, например, над язычниками, а позже мусульманами — монголами и татарами, с которыми он даже заключал союзы. В этом случае возможные границы диктовались тем обстоятельством, что он этими последними ничего не достиг на этом направлении, т. к. сражениям предпочитал политику приспособления, которая может быть сравнима с известной позже у нас «финляндизацией».

Во всяком случае, именно Александр Невский удостоился чести стать символом России при голосовании по проекту «Имя России» в 2008 г. Таким образом, он, сражавшийся против западного мира за свою веру, символизировал Россию. Образ героя можно оценивать как оборонительный и отражающий блокадный менталитет русских. Если Финляндии опасность всегда грозила с востока, Россия испытывала угрозу со всех направлений.

В Средневековье и еще в XVII столетии, а на самом деле до XIX в. религиозные преграды были исключительно важны на государственном уровне. На уровне народных масс это явление существовало еще в XX столетии. До Петра Великого Московская Русь была закрытой страной, которая верила, что является единственной представительницей чистой христианской веры, не признавала крещения католиков и протестантов. Иначе говоря, те не считались правильно крещенными. В России считали иностранцев или немцев «нечистыми», их право передвижения было ограниченным. В Москве они жили в собственном «гетто», в Немецкой слободе. Православный русский не мог в XVII столетии даже есть в обществе немцев, не говоря уже о том, чтобы пригласить его в свой дом. Заразительное влияние «неверных» требовало освящать заново те места, которые они осквернили своим присутствием. Русские не могли свободно выезжать в другие страны, в которых, как они считали, научиться было нечему, за исключением ереси и пагубных обычаев. На Западе русских считали в целом коварными, т. к. западный еретик не являлся, с точки зрения русского, полноценным человеком и клятва для него не была святым делом.

Некоторые исследователи отмечали, что именно вера наиболее эффективно разделяла народы в культурном отношении. Общность веры ведет к тому, что родственные связи общества ориентируются на один вероисповедный круг и кровные связи с исповедующими

иную веру соседями прерываются. Если еще принадлежность к одному государству диктует соблюдение жестких религиозных границ, то возникает пропасть, которую почти невозможно преодолеть, хотя люди могут говорить на одном языке. В силу этого в тот период государственные противоречия приводили к войнам между соседями и уничтожению. Хорошо известна, например, ситуация на Балканах.

Именно так произошло между входившей в состав Швеции Финляндией и ее соседом на востоке — Россией. Разрушительные пограничные войны велись в течение столетий. С запада нападали на русские деревни и монастыри, с востока проникал сжигающий и убивающий все неприятель. Ни одну из сторон нельзя считать милосерднее другой, хотя с российской стороны у пришедших был исключительный обычай уводить инаковерующих в рабство, даже для продажи на рынках Востока. Изучавший приграничные территории в период XVII в. Киммо Катаяла констатирует: ничто не указывает на то, что говорившие на одном и том же языке по обе стороны границы испытывали какое-то чувство солидарности. Кроме этого, не говорили о финнах или карелах. Православных карел именовали русскими, а католиков или, позже, лютеран — «шведами» или «немцами». Последний термин используется и ныне в отношении жителей Германии. Название определяло именно вероисповедание, не язык. Основанный на языке способ определения родовой принадлежности приобретает значение только у национальных романтиков XIX в., простонародье не часто могло следовать ходу их мысли.

Шведское государство, став в XVII столетии великой державой, потеряло свою религиозную гомогенность. Кексгольмская губерния и Ингрия, присоединенные к Швеции по Столбовскому миру 1617 г., были населены православными карелами и ингерманландцами. Перед ортодоксальной шведской лютеранской церковью был теперь поставлен исключительно важный религиозно-политический вопрос: являются ли новые подданные крещеными или их следует заново крестить в христианской вере? Защищенная Юханнесом Бутвидом в 1620 г. академическая диссертация дала облегчающую дело информацию — нового крещения не требовалось.

В любом случае считалось важным, в духе Лютера, чтобы новые подданные стали причастны к «чистой» проповеди слова Божьего, и поэтому их обязали содержать лютеранских священников и посещать лютеранское богослужение, хотя они и могли сохранять собственную православную веру и святилища, как это было оговорено в мирном договоре. Хотя, таким образом, нельзя говорить

о настоящем религиозном гонении, отношение новых подданных к новой лютеранской родине формировалось отнюдь не добровольно. Это стало очевидным в тот период, когда православные в 1656–1658 гг. во время так называемой Войны разрыва¹ подняли массы на поддержку русской стороне, а потом, избегая естественной в этом случае мести, перешли восточную границу.

Православные Карелия и Ингрия образовывали вместе со Швецией единое целое, они не были присоединены к Финляндии, а управлялись в качестве отдельной от Финляндии провинции. В XVII в. притесняемые православные ушли в Россию, освободив место для лютеран-саволакцев, которые прибывали во множестве в Северную Карелию и в Ингрию. Причиной было как бегство во время войны 1656–1658 гг. представлявших «пятую колонну» православных, так и «тяга Новгорода», которую исследовал профессор Пентти Лаасонен. Новгородская земля предлагала желающим на выгодных условиях землю, и православные охотно переезжали сюда ради нее, а также восточнее — в тверские земли, где сформировалась значительная концентрация карел, так называемая Тверская Карелия. Уехавшие из Финляндии лютеране, со своей стороны, сформировали заграничное меньшинство в Ингрии — после того, как при Петре Великом в 1721 г. туда была перенесена граница и где она почти там же проходит и сейчас. Численность как финнов в Ингрии, так и тверских карел перед русской революцией достигала полутора сотен тысяч.

Те православные, которые остались на месте, сформировали затем православное меньшинство в Финляндии, которое было административно интегрировано в Финляндию только в начале XIX в., когда так называемая Старая Финляндия была объединена в 1812 г. с Великим княжеством Финляндским. Следует помнить, что по Столбовскому миру 1617 г. присоединенная к Финляндии территория была в собственно шведской Финляндии на особом положении, на таком же, как первая была по отношению к Швеции. В 1721 и 1743 гг. мирными договорами она была отделена от новой метрополии.

Духовная интеграция была довольно медленной, и факторы трений во множестве проявлялись еще в XX в. Во всяком случае, финляндская православная церковь вышла из-под юрисдикции Московского патриархата в 1923 г., т. к. это стало возможным благодаря независимости Финляндии. В церковных кругах уже

¹Русско-шведская война 1656–1658 гг.

в конце XIX в. дали о себе знать поддержка феннизации и противостояние русификации, что, говоря иными словами, свидетельствовало о том, что национальная идентичность становилась важнее идентичности религиозной. Граница между Финляндией и Россией стала еще более конгруэнтной с политической границей.

Отношения же между лютеранской и православной церквями в Финляндии не были, однако, сердечными. Ещё во время войны-продолжения (1941–1944 гг.) проведенные в захваченной Восточной Карелии массовые крещения в лютеранство вызвали гнев у православных. По распоряжению ставки они были быстро запрещены. Предубеждения во многих краях вызвала также православная вера переселенных карел. Можно, следовательно, констатировать, что положение инаковерующих на «неправильной» стороне границы не было беспроблемным и в Финляндии.

Со своей стороны, ингерманландцы также могли исповедовать свою веру, находясь под властью России. Их положение со времен Петра Великого в религиозном отношении было даже легче, чем положение православных в Финляндии. Петр создал из старой России, известной под именем Русь, современную многонациональную империю — Всероссийскую империю, и принял титул императора, цезаря. На территории Старой Финляндии в силе были старые шведские законы в двух версиях — в зависимости от того, была эта территория присоединена к России в 1721 г. или в 1743 г. Ингерманландцы получали священников из Финляндии, а учителей из Колпанской семинарии. Таким образом, о духовной и личностной стороне оказывалось попечение, хотя по сравнению с бывшей метрополией жизнь часто была тяжелой, когда население оказывалось в положении «дарованных» крестьян, права которых для помещиков были несущественными. Ситуация была близкой к крепостному рабству.

Со времен Петра Великого Российская империя в духе просвещения начала одобрять многообразие на новых территориях (иначе обстояло дело в централизованной Московской Руси). Помимо ингерманландцев в России имелось много других лютеран, в основном в Прибалтике. Кроме того, у императора были в числе подданных католики, мусульмане, евреи, а со временем и подданные-буддисты.

Религиозные гонения начались в России по-настоящему только после революции, и как спланированная кампания они проводились в связи с коллективизацией села, особенно в 1930 и 1931 гг., когда огромное число так называемых кулаков было выселено из родных мест. Во второй половине 1930-х гг., в связи с так называемым

мым Большим террором, ингерманландцы, как и другие меньшинства, утратили все национальные культурные права, в том числе и религиозные. Священников уже не допускали¹, церкви закрыли. Ситуация изменилась только после краха коммунизма.

Осуществлявшиеся большевиками религиозные гонения были, однако, только уродливым проявлением того самого процесса модернизации, который уничтожал значение веры и с западной стороны границы. Так или иначе, в XX в. тысячелетняя религиозная граница между Финляндией и Россией утратила свое значение как в отношениях между государствами, так и внутри них. На время разделителем стала идеология, которая была более фанатична, чем когда-либо вера.

¹ Для приезда из Финляндии лютеранских священников в ингерманландские приходы на территории СССР требовалось разрешение советских властей. С конца 1920-х гг. разрешения уже не выдавались.